

Если историзм как «гипотеза нетождества» предполагает наличие изменений в человеческой психологии, то «готический» роман утверждает неизбежность основных нравственных и этических ценностей.

В романе В.Я. Брюсова есть и то, и другое⁵. Конфликт строится на проверке вечных нравственных ценностей. Выбор, который делает герой, это выбор не между политическими лагерями, а между спасением души и ее гибелью, затрагивается вечная этическая проблематика, а не только характерная для конкретной исторической ситуации⁶.

Таким образом, специфика историзма в «Огненном ангеле» заключается в следующем. Во-первых, историзм воплощается в стилизации, а не в сюжете, как это было у Вальтера Скотта, а во-вторых, историзм сочетается с «готическим антропологизмом», то есть наряду с осознанием изменений в человеческой психологии признается и наличие вечных нравственных ценностей.

Примечания

¹ Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. М., 1984. С.7.

² Подробнее о структуре романов В. Скотта см.: Долинин А.С. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988; «Капитанская дочка» и судьбы исторического романа в России // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 2. С. 44–53; Lukacs G. The Historical Novel. Harmondsworth, 1969 и др.

³ И стилизация настолько точная, что, как известно, в Германии приналия немецкий перевод романа за подлинную немецкую рукопись XVI века.

⁴ У В. Скотта тоже можно обнаружить подобное сочетание, но с заметным преобладанием историзма. Тем не менее в «Айвенго» присутствует сюжетная линия Бриан де Буагильбер – Ревекка, сходная с линией Рупрехт – Рената. Напротив, преобладание «готического антропологизма» можно наблюдать в романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери».

⁵ Подробнее о сочетании традиций исторического и «готического» романов см. в нашей работе: Жанровое своеобразие романа В.Я. Брюсова «Огненный ангел» // Материалы Второй конференции «Литературный текст: проблемы и методы исследования». Тверь, 1998. С.85–88.

© А.Ю. Мамон
Калининград

«ГОЛОВА» И «СЕРДЦЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ А. ПЛАТОНОВА

Культурная и языковая традиции обнаруживают противопоставление головы как мыслительного органа и сердца как органа души. Это
188

противопоставление основывается на экзистенциальном антагонизме духовного и разумного. Отражение этих представлений о голове и сердце и их взаимодействии в художественном мире А. Платонова можно попытаться проследить посредством анализа функционирования лексем *голова* и *сердце* в языке произведений писателя в сравнении с нормой русского языка.

Культурная традиция воспринимает *сердце* как средоточие чувств, мудрости, жизненной силы, воли и разума. П. Д. Юркевич в своей статье о *сердце* отмечал особое значение сердца в религиозной литературе [10, 96]. Для русского сознания *сердце* является скорее органом души, чем тела. Даль приводит массу примеров народных высказываний о человеке, его чувствах и мыслях, например: «каменное *сердце*», «неукротимое *сердце*», «*сердце* ноет», «отлегло от *сердца*» и пр. Прямое значение слова *сердце*, которое дает нам словарь, характеризует сердце как орган тела: «центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящегося у человека в левой стороне грудной полости». Переносное значение отмечает связь *сердца* с духовными, ментальными процессами, происходящими в человеке. Е. Урысон дает более конкретизированное толкование второго значения: «то, что представляется органом чувств, а также предчувствий, находящимся где-то в груди человека» [9, 190]. При этом подчеркивается роль *сердца* как *органа* и дается топологическая координата: «где-то в груди».

В рассказе «Македонский офицер» Платонов как бы описывает строение человека, структуру анатомии, где *глаза/ум/голова* – верх, а *сердце* – центр равновесия, приносящий счастье: «Ты должен, – писал Клузий, обращаясь к любому человеку, кроме Озия, – ты должен глядеть в это неясное пространство жизни, как с Небесных Гор, с вершин своего *сердца*. <...> Если же ты посмотришь глазами, <...> расположенными <...> в *мрачных ущельях* твоего ума, то неминуемо бросишься с высоты жизни в глубину отчаяния, но и в нем не достигнешь дна и спокойствия. Гляди же в <...> смутный воздух земли своей *сердцем*, *глубокомысленно* <...> вознесенным <...> в *центр равновесия твоего тела*, и ты будешь неизбежно счастливым, потому что сущность *сердца* [двуединая] улыбка, а не огорчение». Для А. Платонова важно значение *сердца* как органа духовной жизни человека, он отмечает центральное положение сердца в теле и указывает на важность сердца для счастья человека.

На важность *сердца* для Платонова указывает широкое употребление лексемы *сердце*, как в прямом, так и в переносном значениях. Прямое указание на физиологическую функцию сердца как органа кровообращения часто встречается в произведениях со словом *биться*. Представление о *сердце* как центре жизни получает реализацию в употреблении лексемы *сердце* со словом *жизнь*, герои Платонова вынуждены постоянно «наполнять чувством *жизни*» свое «*пустое, слабое сердце*».

Психическая деятельность платоновских героев опосредуется работой сердца. На языковом уровне это отражается в том, что данное слово употребляется с лексикой, описывающей психические процессы. Наиболее часто встречающийся прием – синекдоха, когда *сердце* как бы заменяет всего человека: оно может быть *оробевшим*, *храбрым*, *тоскующим*, *больным* (=страдающим), *любящим*, *сожалеющим*, *сосредоточенным*, *мучающимся* и *ищущим утешения*, *воодушевленным*, *надеющимся* и т.п. В рассказе «Лунная бомба» вынужденное бездействие вследствие неудачи при взрывных работах томило главного героя Крейцкопфа до того, что «*в нем физически явственно разрушалось сердце*». В работе *сердце* может терять свое *вещество*.

Помимо *вещества*, в сердце человека находятся *силы* (еще одно ключевое понятие в языке А. Платонова), способные оказать как положительное, так и отрицательное воздействие на человека. Сила, живущая в сердце, может быть источником страдания, тоски, она способна даже погубить человека (подробнее см.: [6]). «Одинокая сила в сердце» является источником, питающим воспоминания о давно утраченной матери для героя повести «Джан» Назара Чагатаева.

Мотив *крови* как *жидкости*, которую *перегоняет* (качает) *сердце*, рождает мотив *засыхающего сердца*: «*сердце ссохлось*, и разум тухнет» (противопоставленность *сердца* и *разума* отмечена и Е. Урысон [9, 190]). *Сердце* может *сохнуть* и от страха. В нормативном языке существует идиома, в которой также присутствуют *сердце* и *кровь*, как его влага: «сердце кровью обливаётся». Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев отмечают, что в ней сопрягаются значения *сердца* как *органа чувств* и *органа кровообращения одновременно* [1, 531]. Платонов усиливает эту семантику.

Функционирование лексемы *голова* также обнаруживает особенности, присущие платоновскому творчеству. На языковом уровне это выражается в амбивалентности семантики этой лексемы в художественном языке писателя. В русском языке слово *голова* имеет два основных значения, зафиксированных в словарях современного языка, одно из которых характеризует голову как часть тела, другое – с точки зрения мыслительных способностей («ум, разум, сознание, рассудок»). Таким образом, указывается, что *голова* – орган мысли, тогда как *сердце* – орган чувств. *Голова* как разумная противопоставлена у Платонова телу как физическому плотскому, чувственному. В качестве синонима к слову *голова* может выступать *мозг*: «Вероятно, *мозг*, в конце концов, откупится: он изобретет тысячи предохранителей для человеческого *тела*, чтобы оно могло предаваться всем своим страстям, но не иссякать преждевременно и добросовестно питать *голову* кровью». Синонимом *головы* может быть слово *череп*: «Мрачный вихрь сотрясает своды моего *черепа*». В качестве синонимической замены могут выступать способности: *ум, разум, рассудок*. Употребление этих лексем обнаруживает

наивную анатомию платоновских героев: «Пашинцев ударил себя по низкому *черепу*, где *мозг* должен быть сжатым, чтобы поместиться *уму*».

Противопоставление *головы* и *сердца*, существующее в нормативном языке, у Платонова обретает новое осмысление, которое находит выражение в языковых конструкциях, в некоторых случаях выходящих за рамки нормы. Платонов подчеркивает локализацию в *голове процесса мышления*: «Некуда жить, вот и *думаешь в голову*»; «*думать в одну мою голову*»; «*думать что-то в своей голове*». Синтаксическая направленность этих словосочетаний очевидна, указывает Ю.И. Левин, так как они реализуют несуществующие в системе русского языка валентности «жить, думать» *куда*, «думать» *где* [8, 118]. Здесь избыточные элементы конкретизируют глагольное действие. Мыслительный процесс получает дополнительную координату. Функция ее, по-видимому, состоит в том, чтобы выразить укорененность духовных процессов в теле, физиологии, «сообщив им фундаментальность, немимолетность, неслучайность» [Там же, 119]. Также в голове укоренена *память* и *мысль*: «*помнить в своей голове*». *Голове* в произведениях А. Платонова присуща самостоятельность: голова «сама думает»: «У Дванова *голова* сидела на теплой шее, и что *думала голова*, то немедленно превращалось в шаги, в ручной труд и в поведение». *Голова* как субъект разумного противопоставлена *душе* как эмоциональному: «это не я – *голова сама* начинает болеть, *она думает* про хлеб и *мешает мне жить*». Эти примеры, как и примеры аномальной сочетаемости со словом *голова*, указывают на особый взгляд Платонова на ментальные процессы, происходящие в человеке.

Онтологическое противопоставление духовного и ментального выражается у Платонова в противопоставлении головы и сердца. Одинаково важные, эти понятия, тем не менее, полярны, герои его произведений находятся в непрерывном поиске: «что такое душа – *жадное сердце* или *ум в голове*?» Однако в некоторых случаях невозможно разединить мысли и чувства, *мысли в голове чувствуются*: «Лихтенберг... *чувствовал мысли в голове*»; *сознание ощущается как теплота*: «Дванов снова *почувствовал в голове теплоту сознания*»; *мысли* даже появляются через *чувство*: «Филат не мог, (...) *думать сразу* – ни с того, ни с сего, он сначала что-нибудь *чувствовал*, а потом его *чувство забиралось в голову*, грома и изменяя ее нежное устройство». Как отмечают М.М. Вознесенская и М.А. Дмитриевская, «мысль для большинства героев Платонова не существует вне чувства, точнее, чувство и является мыслью», «это выражается в необычных соединениях в пределах одной конструкции слов, относящихся к эмоциональной и ментальной сферам». Таким образом, можно говорить «о существовании единой, нерасчлененной области мысли-чувства» [2, 142]. Сочетания существительного *голова* с прилагательными, означающими чувства, ощущения,

физическое состояние и действия человека в платоновском языке достаточно частотны: «*задумавшаяся голова*»; «*спящая голова*», «*молчаливая голова*»; «*привычная голова*» – это как раз те случаи, которые В.И. Заика назвал «фактами аномальной сочетаемости» [7, 231], когда признак человека по действию приписывается органу. Ю.И. Левин в этом случае использует термин «семантическая не-правильность» [8, 392].

На то, что сопряжение сфер головы и сердца имеет серьезные основания, указывают словари русского языка более раннего периода. Так, Даль предлагает парадоксальное для современного восприятия толкование: «ум, разум, смысл или рассудок, нрав или **сердце, качества нравственные**». Срезневский также среди значений слова *голова* дает: «**совесть, душа**». Утраченное в современном языке значение нашло реализацию в языке А. Платонова, мировосприятие которого обнаруживает глубинные исторические корни.

Но истинное счастье человек обретает в гармонии между сферами сердца, головы и тела: «Наблюдая живое пламя, Захар Павлович сам жил – в нем *думала голова, чувствовало сердце, и все тело тихо удовлетворялось*». Герой А. Платонова может быть счастливым, если наблюдает одновременно работу двух сфер: *чувства* и *сознания*, и если «чувства превращаются в поток облегчающей мысли».

Примечания

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

2. Вознесенская М.М., Дмитриовская М.А. О соотношении RATIO и чувства в мышлении героев А. Платонова // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.

3. Вышеславцев Б.П. Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. 1990. № 4.

4. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. IV. М., 1989.

5. Дмитриовская М.А. Образная параллель «человек – дерево» у А. Платонова // Творчество Андрея Платонова. Вып. 2. СПб., 1999.

6. Дмитриовская М.А. Понятие силы у А. Платонова // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1993.

7. Заика В.И. К интерпретации нарушений сочетаемости слов в романе Андрея Платонова «Чевенгур» // Фразеологизм и слово. Новгород, 1996.

8. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / гл. ред. Ю.Д. Апресян. М., 1995.

9. Левин Ю.И. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика.

М., 1998.

10. Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия // Юркевич П.Д. Философские произведения. М., 1990.

© Е.В. Мануйлов
Омск

СТРАТЕГИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Чаяния и цели платоновских героев во многом соотносимы с тем кругом идей, которые высказывал сам автор в ряде публицистических статей 20-х годов. Попытка сближения автора и героя, попытка увидеть «автоописание» во вложенной в уста героя идее, почерпнутой из публицистики, может оказаться, однако, слишком прямолинейной: при более глубоком анализе художественной ситуации сама «идея», соотношенная с контекстом, обнаруживает свою проблемность, вплоть до «саморазвенчания». Такая ситуация в значительной мере способствовала появлению в исследовательском обиходе простейшей схемы, в которой сложная творческая эволюция писателя предстает как краткий путь от полного приятия революционных идей к смиренному правдоискательству и критике прежних взглядов. Платонов плохо укладывается в эту схему, и не только в силу того, что художественная проза и публицистика – величины разного порядка; сама специфика платоновских произведений препятствует подобному их рассмотрению.

Восприятие Платоновым самого себя в качестве писателя, как и само понимание значения литературы в ее связи с действительностью, далеко не однозначно. С одной стороны, литературе и искусству вообще может придаваться статус универсального инструмента, способного затронуть основы мироздания; с другой стороны, для Платонова в определенные моменты свойственно отталкивание от литературной деятельности, «писательства»; само слово «литература» звучит как обвинение в оторванности от реальной жизни: «Засуха 1921 г. произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление, – пишет Платонов в автобиографии 1924 года, – и, будучи техником, я не мог уже заниматься созерцательным делом – литературой»¹. В 1922 году, в газете «Воронежская коммуна» вышла его статья «Пролетарская поэзия», ставшая программным изложением взглядов писателя на значение и задачи искусства: «Пролетарская поэзия есть преобразование материи, есть борьба с действительностью, бой с космосом за его изменение соответственно внутренней потребности человека. Наша поэзия есть действительное, а не мысленное преобразование вселенной, отвечающее свободному желанию, т.е. внутренней необходимости»². Сопоставляя две эти противоположные точки зрения, Платонов отчетливо осознавал существующую разницу между ситуацией собственной литературной деятельности (как